

Кавказская политика Турции в 2000-2022 гг.

Мустафа Айдын

Университет Кадир Хас и Глобальная академия, <https://www.globacademy.org>

Аннотация: Появление новых независимых государств на Кавказе после Холодной войны создало сложности для Турции, одновременно усилив её роль. Распад Советского Союза устранил многовековую советскую/российскую угрозу, но создал вакуум власти на границах Турции. Хотя Турция традиционно избегала участия в региональной политике, она оказалась втянутой в нестабильную новую политику региона. Турция стала важным игроком в регионе благодаря прочным историческим связям, привлекательности географического положения, связывающего этот регион с Европой, а также экономическим, политическим связям и отношениям в сфере безопасности с Азербайджаном и Грузией. За минувшие 30 лет Турция стала одним из видных игроков в регионе, где её роль сейчас выросла после второй Карабахской войны. Хотя восстановление её отношений с Арменией продвигается медленно, а геополитические изменения, экономические и политические условия в регионе вряд ли стабилизируются в ближайшие годы, очевидно, что Турция продолжит строить новые сети взаимозависимости Анкары с региональными столицами.

Ключевые слова: Турция, Кавказ, взаимозависимость, геополитика, международное соперничество, энергоресурсы.

Вступление

Окончание Холодной войны, ознаменовавшееся распадом Советского Союза в начале 1990-х гг., создало как проблемы, так и возможности для региональных и мировых держав. В то время как с исчезновением СССР и появлением новых независимых государств на Кавказе образовался вакуум власти, Турция увидела новые возможности для своей внешней и оборонной политики, пользуясь выгодами своего геостратегического положения на границах региона. Страны Кавказа уже 30 лет существуют как независимые

государства, а геополитика Кавказа существенно изменилась, но основные направления турецкой политики в регионе, сложившиеся в первой половине 1990-х годов, не очень изменились, хоть и адаптировались к новым геополитическим вызовам. Основные политические траектории Турции на Кавказе оказались весьма устойчивыми, несмотря на многочисленные сложности, и показали комплексное понимание региональной динамики. Поэтому для понимания текущей политики Турции в регионе анализ следует начать с основных параметров, выработанных ранее.

Общие параметры подхода Турции к Кавказу

Прежде всего, Турция решительно поддержала суверенитет и независимость всех стран Кавказа после обретения ими независимости, призвав к укреплению их политических институтов, росту экономического благосостояния, международной самостоятельности и внутреннему социальному миру. Это была не просто риторика, а стратегический приоритет кавказской политики Турции, тесно связанный с опасениями конкуренции внешних сил за влияние в регионе и с тем, что любая нестабильность там могла легко перекинуться на территорию Турции. Очевидно, турецкие руководители предполагали, что если эти страны будут иметь достаточно возможностей противостоять внешнему давлению и вмешательству, то историческое, политическое, экономическое и стратегическое притяжение Турции мягко подтолкнет их в орбиту Турции.

Азербайджан, Армения и Грузия, как независимые страны, создают буферную зону между Турцией и её историческим соперником на Кавказе – Россией. Именно царская Россия и Советский Союз столетиями угрожали Османской империи, а затем Турции. После Холодной войны Турция впервые в истории больше не имела сухопутной границы с большим северным соседом. Турция считала, что лучший способ укрепить эту позицию — поддержать независимость, стабильность и территориальную целостность новых независимых государств Кавказа. Было ясно, что пока эти государства сохраняют свободу и политическую стабильность, России будет трудно единолично влиять на них вблизи турецких границ.¹ Поэтому Турция до 2010-х гг. так или иначе выступала против политического возвращения России в этот регион, посредством социально-экономического вмешательства или в виде русских солдат на турецкой границе. Тот факт, что России тем не менее удалось сделать и то, и другое в последние годы, показывает слабость позиций Турции в регионе, а также возможности России.

Также существует понимание, что стабильность кавказских стран, граничащих с Турцией, прямо влияет на её безопасность и стабильность. Существует чёткое осознание того, что дестабилизация какой-то из стран Кавказа может если не перекинуться на Турцию, то легко повлиять на торговые и

¹ Mustafa Aydın, “1990-2001 Kafkasya ve Orta Asya’yla İlişkiler”, *Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumla*, ed. Baskın Oran (İstanbul: İletişim Yayınları, 2002), p. 406.

транспортные отношения Турции со многими странами Востока. В начале 1990-х гг. стало очевидно, что даже если Турция не желает быть вовлечённой в региональные конфликты, она не сможет оставаться в стороне от происходящих событий, поскольку многие турецкие граждане имеют кавказское происхождение, что способствовало сохранению интереса к региональным конфликтам. В турецком обществе развито сильное чувство родства, особенно с Азербайджаном.

По мнению Турции, территориальная целостность кавказских стран тесно связана с силовой политикой в регионе. Подход Турции к спорам, связанным с Аджарией, Абхазией и Осетией в Грузии, а также к Нагорно-Карабахскому конфликту между Азербайджаном и Арменией, чётко выражен в её внешнеполитической позиции против изменения границ суверенных государств. Эта позиция исходит из понимания того, что если границы какой-либо соседней страны будут изменены силой, это может легко вызвать цепную реакцию, способную охватить весь регион, поставив тем самым под угрозу границы Турции.

Ещё одним важным приоритетом Турции стало создание энергетического и транспортного хаба для доставки каспийской нефти и газа в Европу. Эта инициатива предполагает использование порта Джейхан для грузов и трубопроводов, а также развитие авиаперевозок через аэропорты Стамбула. Примечательно, что Turkish Airlines стала первым международным перевозчиком, открывшим регулярные прямые рейсы в региональные столицы, оставаясь популярным выбором для авиапассажиров, следующих на Запад. Кроме того, эксплуатация Турцией аэропорта Батуми, а также его использование авиакомпанией Turkish Airlines в качестве узла для турецких пассажиров, путешествующих в близлежащие города и обратно без паспортов, представляет собой инновационный подход к региональному сотрудничеству.

С другой стороны, нефтепроводы Баку-Тбилиси-Джейхан (BTC), газопроводы Баку-Тбилиси-Эрзурум (BTE) и TANAP, а также газопроводы «Голубой поток» (I и II) и «Турецкий поток» из России и все остальные региональные связи (туркменский, иранский и иракский газ) нацелены на то, чтобы сделать Турцию региональным энергетическим игроком. Однако Турция не одинока в этом соревновании. Многие считают трубопроводы важнейшим фактором обеспечения и сохранения влияния в регионе, а также финансовой выгоды. Поскольку Нагорно-Карабахский конфликт сразу сделал армянский маршрут нереальным, Турция, Азербайджан и Грузия стали стратегическими партнёрами в трубопроводной политике. Надежда Турции, что такие связи создадут взаимозависимость соседей и помогут укрепить позиции Турции в этом беспокойном регионе, в долгосрочной перспективе оказалась верной.

Развитие двусторонних отношений также имело жизненно важное значение для усиления регионального влияния Турции. Подсчитано, что макси-

мально возможная связь с регионом принесёт Турции стратегические и экономические выгоды и выход не только на Кавказ, но и в Центральную Азию, повысив её престиж в регионе и мировой политике в целом. После установления более тесных двусторонних связей со странами региона стало очевидно, что Турция имеет много общего не только с азербайджанцами, но и с грузинами и армянами – больше, чем считалось ранее.

На отношения Турции с Арменией и её позицию в абхазском и южноосетинском конфликтах, однако, влияло историческое наследие. Несмотря на немедленное признание Турцией независимости Армении после её провозглашения, установление дипломатических отношений было затруднено из-за таких исторических факторов, как события 1915 года, проблемы признания границ и Нагорно-Карабахский конфликт. Что касается конфликтов в Грузии, то на подход Турции влияло значительное число выходцев с Северного Кавказа (до 6 миллионов турецких граждан), которые остаются политически влиятельными и активными.

Ещё одним важным для Турции фактором подхода к региону является позиция и политика Российской Федерации. Несмотря на период, когда Россия какое-то время была менее активна на Кавказе, её политика в «ближнем зарубежье», провозглашённая в конце 1993 года, сигнализировала о сохранении интересов в бывших советских республиках Центральной Азии и Кавказа. Дальнейший экономический и политический подъём России в конечном итоге изменил её место в региональной динамике.² С другой стороны, в 1990-е годы Турция пользовалась поддержкой Запада, особенно США, но не обладала достаточными экономическими ресурсами и политической мощью, чтобы конкурировать с Россией. Поэтому Турция стала лучше понимать риски конфронтации и с 1994 года подчеркивала преимущества сотрудничества и взаимодействия с Россией. Этот сдвиг сопровождался ростом торговых и политических связей. Понимание этого, в сочетании с охлаждением отношений Турции со своими традиционными союзниками — США и странами ЕС, привело к шагам по нормализации отношений с Российской Федерацией в начале 2000-х гг. Когда внимание Турции переключилось на более широкий Ближний Восток и Африку, в связи с арабскими выступлениями и последующей нестабильностью на границах Турции, это в конечном итоге привело к ослаблению внимания Турции к Кавказу и росту российского присутствия и влияния в регионе в 2010-х годах.

Первоочередной целью было содействие экономическим, политическим, социальным преобразованиям и трансформации сектора безопасности кавказских стран, а также их интеграции в более широкие европейские (западные) структуры. Считалось, что это откроет путь к расширению присутствия Турции в регионе и, используя её экономическую мощь, сделает Турцию более влиятельным региональным игроком. Хотя это тоже было

² İdil Tuncer, “Rusya Federasyonu’nun Yeni Güvenlik Doktrini: Yakın Çevre ve Türkiye”, *En Uzun Onyıl, Türkiye’nin Ulusal Güvenlik ve Dış Politika Gündeminde Doksanlı Yıllar*, ed. Gencer Özkan and Şule Kut (Istanbul: Büke Yayınları, 2000), 435-460.

верно, поскольку Турция стала крупнейшим торговым партнёром Грузии и Азербайджана, а также важным торговым партнёром Армении, несмотря на закрытую сухопутную границу между ними, Турция в долгосрочной перспективе могла поддерживать такие отношения лишь с Азербайджаном. Кроме того, отход Турции от своих традиционных союзников и развитие сотрудничества с Россией тоже повлияли на её положение в регионе, поскольку для стран региона была привлекательна связь Турции с Западом.

Политика первого правительства ПСР на Кавказе

Несмотря на ожидания обратного, основы турецкой политики в отношении кавказских государств не изменились после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР, *AKP – Adalet ve Kalkınma Partisi*) в ноябре 2002 г. Однако дальнейшие внутренние и мировые события повлияли на приоритеты и позицию правительства в регионе.

Сразу после смены власти в Турции возникли вопросы по поводу обязательств нового руководства по отношению к региону – ожидалось, что власти будут менее расположены к тесным отношениям со странами Кавказа и Центральной Азии, чем их предшественники, из-за их сугубо исламской риторики. В реальности, вместо того, чтобы делать упор на исторических и культурных связях со странами региона, правительство ПСР в Турции переключилось на развитие экономических отношений.³ Более того, очевидное отсутствие интереса ПСР к региону вскоре усугубилось сложными задачами правительства и такими международными событиями, как вторжение США в Ирак в марте 2003 года, дискуссии о Кипре, референдум по плану Аннана в 2004 году, начало переговоров о полноправном членстве с ЕС в 2005 году, продолжающийся террор РПК с пересечением границы, а также многочисленные внутривосточные кризисы, которые начались с выдвижения кандидатуры Абдуллы Гюля на пост президента в апреле 2007 года, что привело к досрочным всеобщим выборам в июле. В 2007 году кульминацией стало закрытие дела против ПСР в Конституционном суде, рассмотрение которого заняло ещё восемь месяцев. На фоне обострения внутривосточного кризиса правительство до конца 2008 года воздерживалось от резких внешнеполитических шагов, в том числе на Кавказе.

Но когда эти многочисленные кризисы как-то разрешились, особенно после войны между Грузией и Россией в августе 2008 года, ещё раз напомнившей Турции о нестабильной природе региона, правительство ПСР стало уделять больше внимания региональным делам. Оно выступило с инициативой, касающейся будущего Кавказа: Платформа стабильности и экономи-

³ Визит Р.Т. Эрдогана в Азербайджан, Казахстан и Туркменистан в январе 2003 г. ещё до назначения премьер-министром приводили как пример его интереса к региону. См. Mevlut Katik, "Turkish Party Leader Seeks Favor in Central Asia," *EurasiaNet*, January 14, 2003, <https://eurasianet.org/turkish-party-leader-seeks-favor-in-central-asia>.

ческого сотрудничества на Кавказе, с участием Турции, России и трёх кавказских государств. Хотя это не такая уж новая идея, инициатива Платформы была единственным предложением, рассчитанным на долгосрочную перспективу с общерегиональным подходом. Она не реализуема на практике из-за реалий на местах, но она обеспечила необходимую основу для открытия Турции для Армении в 2009 году.

Между тем на кавказскую политику ПСР также повлияли идеи, выдвинутые тогдашним советником премьер-министра по внешней политике Ахметом Давутоглу, о том, что Турция должна иметь собственную «политику соседства», основанную на «отсутствии проблем с соседями» и принципах «региональной внешней политики». Как только эти идеи были сформулированы первым правительством ПСР, они ознаменовали новое понимание внешней политики Турции, переориентировав её на региональные вопросы с 2006 года. Из-за вышеупомянутых международных и внутренних событий эти идеи не были реализованы на практике до всеобщих выборов в июле 2007 года.

До того единственной областью, в которой наблюдалось какое-то движение, был интерес правительства к энергетической сфере. Оно проводило активную политику по альтернативной доставке ресурсов в Турцию как для турецкого потребления, так и для транзита в Европу. Идея превращения Турции в «региональный энергетический хаб» быстро получила поддержку, и Турция повела политику, направленную на улучшение доступа к ресурсам Каспия через Грузию и Азербайджан. Помимо реализации трубопроводов ВТС и ВТЕ, Турция, Грузия и Азербайджан в 2007 году согласовали и подписали рамочное соглашение о строительстве железной дороги Карс-Тбилиси-Баку⁴ в обход Армении, чтобы связать Турцию с этими странами, а также со Средней Азией. Эта важнейшая инициатива, а также завершение строительства газопровода ВТЕ и нефтепровода ВТС оказали влияние на региональное развитие и безопасность, выйдя далеко за рамки секторов энергетики и транспорта.⁵

Между тем в марте 2007 года вступил в строй газопровод ВТЕ, доставляющий газ с азербайджанского месторождения Шах-Дениз, что фактически положило конец газовой зависимости Грузии от России и дало Турции альтернативный источник. Природный газ, предназначенный для Турции, первоначально был перенаправлен в Грузию по соглашению с Турцией, когда Грузия испытывала нехватку газа из-за возросшей напряжённости в отношениях с Россией и мстью последней, остановившей поставки газа зимой 2007 года.

⁴ Güncel Haberler, “Bakü-Tiflis-Kars Demiryolu Canlanıyor”, September 19, 2007, <http://www.haberler.com/baku-tiflis-kars-demiryolu-canlaniyor-haberi/>.

⁵ Massimo Gaudiano, “Can Energy Security Cooperation Help Turkey, Georgia, and Azerbaijan to Strengthen Western Oriented Links?” NATO Defense College Academic Research Branch, Research Note No. 5, June 2007, 1-2.

Помимо преимуществ, которые этот проект дал трём странам, и их стратегического значения друг для друга, он также показал важность альтернативного маршрута транспортировки газа в Европу. Это позволило Турции подумать о создании энергетического коридора. Турцию также воодушевило строительство и эксплуатация нефтепровода ВТС, который вступил в строй в 2006 году, ещё до ВТЕ. Ещё одним проектом трубопровода, который в то время привлек мировое внимание, был проект Nabucco, связывающий газовые ресурсы Азербайджана и, возможно, Ирана, Ирака и Туркменистана с Европой. Хотя 13 июля 2009 г. Турция, Австрия, Болгария и Венгрия подписали межправительственное соглашение, засвидетельствованное представителями других стран, обеспечившее правовую основу и подтвердившее намерение этих стран построить трубопровод,⁶ Турция 7 августа 2009 г. также подписала соглашение с прибывшим с визитом премьер-министром России Владимиром Путиным, в присутствии премьер-министра Италии Сильвио Берлускони,⁷ о начале технико-экономического обоснования турецкой экономической зоны в Чёрном море для проекта газопровода «Южный поток», который многие считали прямым конкурентом предлагаемого трубопровода Nabucco. В то время как Турция в результате всех этих проектов к середине 2009 года смогла вновь успешно позиционировать себя между энергопроизводителями Востока и энергопотребителями Запада, проекты «Южный поток» и Nabucco были отменены, и их заменили TANAP (Трансанатолийский газопровод), который вступил в эксплуатацию в 2018 году и был соединён с TAP (Трансадриатическим трубопроводом) в 2020 году, и «Турецкий поток», который также вступил в эксплуатацию в 2020 году.

Переформатирование политики Турции на Кавказе после августа 2008 г.

Кризис августа 2008 года во многом повлиял на политику Турции на Кавказе и заставил её пересмотреть свой подход. Конфликт наглядно показал, что «замороженные» конфликты Кавказа не такие уж и замороженные и могут вспыхнуть в любой момент. Учитывая крупные военные закупки вовлечённых сторон, просто ждать, пока проблемы решатся сами собой, было невозможно. Более того, Россия чётко обозначила свои намерения в горячих точках региона в случае второго раунда войны. В конечном итоге Турция поняла, что, если она не возьмёт на себя активную роль и не сумеет умиротворить регион, Кавказ быстро будет дестабилизирован и забыт, что не соответствует турецким интересам в политике, экономике и безопасности.

Хотя двусторонние экономические и политические отношения Турции с Азербайджаном и Грузией продолжали улучшаться, её общую политику на

⁶ “EU Countries Sign Geopolitical Nabucco Agreement,” *EurActiv*, July 14, 2009, <https://www.euractiv.com/section/energy/news/eu-countries-sign-geopolitical-nabucco-agreement/>.

⁷ “Yüzyılın anlaşmaları imzalandı”, *HaberTürk*, August 7, 2009.

Кавказе осложняли события, находящиеся вне контроля Турции. Турция и Грузия сформировали сеть газо- и нефтепроводов, предлагая альтернативу маршрутам, проходящим через Иран или Россию. Развитие двусторонних отношений Турции с Грузией во всех областях, обеспечившее более надёжные альтернативные маршруты для Европы и США и способствовавшее стабильности в регионе, было поддержано Западом. Помимо политических отношений, быстро развивались экономические отношения между Турцией и Грузией. Турция стала главным торговым партнёром и вторым инвестором в Грузии, что привело к заключению Соглашения о свободной торговле между двумя странами в 2007 году.⁸ Перемещение людей между двумя странами упростилось благодаря отмене в 2007 году виз для 90-дневного пребывания и открытию аэропорта Батуми, который был построен и управляется турецкой компанией в качестве внутреннего аэропорта для турецких граждан.

Хотя экономические и политические отношения между Турцией и Грузией продолжали улучшаться, непростая ситуация в Грузии, вызванная спором об Абхазии, оставалась неразрешённой и несколько портила их отношения. Турция продолжала поддерживать территориальную целостность Грузии, но настаивала на мирном разрешении спора. Однако наличие турецких граждан как грузинского, так и северокавказского происхождения осложняло позицию Турции, создавая подозрения с обеих сторон и мешая неоднократным попыткам Турции разработать платформу для мирного урегулирования, которая дала бы результат. Кроме того, Турция столкнулась с обострением внутренней ситуации, поскольку проживающие в Турции грузинские и северокавказские диаспоры стали громко заявлять о своих требованиях, что вынуждало Турцию быть ещё осторожней в отношениях с Грузией.

Кризис августа 2008 года выявил слабости и ограничения, с которыми столкнулась Турция в этих проблемах. Когда Грузия и Россия начали военные действия, Турция обнаружила, что её политические возможности ограничены по трем причинам. Во-первых, турецкие граждане грузинского и северокавказского происхождения оказывали давление на турецкое правительство, каждая сторона искала поддержки Турции в своих делах. Во-вторых, Турция разрывалась между стратегически важным партнёром Грузией и экономически и политически важным соседом Россией. Территориальная целостность Грузии была важна для Турции и поддерживалась ею по ряду политических, стратегических, психологических и исторических причин. В то же время Россия стала важным торговым и политическим партнёром Турции. В-третьих, Турция разрывалась между требованиями своего нового партнёра, Российской Федерации, и давних союзников, США и стран НАТО. Из-за множества факторов давления реакция Турции на кризис вначале

⁸ "Free Trade Agreement between the Republic of Turkey and Georgia," <https://trade.gov.tr/data/5b9111f813b8770becf1e74b/3084ba862ac8810125184a17da1112da.pdf>.

была относительно сдержанной. Однако позже она несколько активизировалась, особенно благодаря непосредственному участию премьер-министра Эрдогана и предложенной им идее «Платформы». Хотя эта концепция не получила существенного развития, она заложила основу для потенциального возобновления связей между Турцией и Арменией.

Армения была единственной страной Кавказа, с которой двусторонние отношения Турции до недавнего времени не демонстрировали заметного улучшения. Хотя в начале 1990-х годов с обеих сторон существовало понимание необходимости развития связей, в середине 1990-х годов оно сменилось подозрительностью и недоверием из-за региональных и внутренних событий с обеих сторон, а также исторического багажа, который две страны привносят в свои текущие отношения. В результате сухопутная граница между ними осталась закрытой, а дипломатические отношения отсутствовали.

С другой стороны, проблемные отношения с Турцией и Азербайджаном, кроме изоляции от расширяющегося сотрудничества в регионе, негативно влияют на экономическое восстановление Армении. Ухудшение условий заставило многих армян искать работу в соседних странах. В результате, хотя сухопутная граница оставалась закрытой, к концу 2006 года в Турцию в поисках работы уехали около сорока тысяч армян.⁹ К концу 2007 года турецкие официальные лица называли цифру в 70 000 граждан Армении, нелегально работающих в Турции.¹⁰

В этих обстоятельствах политические отношения приняли интересный поворот, когда новоизбранный президент Армении Серж Саргсян пригласил президента Абдуллу Гюля посмотреть футбольный матч сборных Турции и Армении, который состоялся в Ереване 6 сентября 2008 года. Принятие приглашения, а затем его поездка в Ереван в рамках первого в истории визита главы турецкого государства стали переломным моментом в турецко-армянских отношениях, породив надежду на примирение и обеспечив необходимый политический толчок для длительных секретных переговоров между представителями Турции и Армении о нормализации отношений. Эта инициатива, казалось, открыла путь к подписанию турецко-армянского рамочного соглашения от 22 апреля 2009 года о примирении. В кратком заявлении, опубликованном на сайтах министерств иностранных дел Турции и Армении, говорится, что «обе стороны добились ощутимого прогресса и ... договорились о всеобъемлющих принципах нормализации двусторонних отношений».¹¹

⁹ По данным *Economist*, November 17, 2006.

¹⁰ http://www.cagdaskitap.netteyim.net/haber/Siyaset/turkiyede_kac_kacak_ermeni_isci_var-haberi-11356.html and www.milliyet.com.tr/2006/11/18/siyaset/siy09.html.

¹¹ Charles Recknagel, "Turkey, Armenia Announce Framework for Normalizing Ties," *Radio Free Europe/ Radio Liberty*, April 23, 2009, http://www.rferl.org/content/Turkey_Says_Agrees_Framework_For_Ties_With_Armenia/1614312.html; и Mary Beth Sheridan, "Turkey and Armenia in Broad Accord," *Washington Post*, April 23,

Однако реакция Азербайджана на возможное открытие турецко-армянской границы без какого-либо прогресса в карабахском вопросе вызвала резкую реакцию в Турции. Это побудило премьер-министра Эрдогана остановить развитие событий в ходе своего визита в Баку 13 мая 2009 года и объявить, что Турция не будет двигаться к открытию сухопутной границы с Арменией, пока та не прекратит оккупацию территории Азербайджана. Когда 31 августа Турция и Армения собирались объявить о том, что они достигли соглашения по двум протоколам и намерены подписать их, казалось, что Турция сможет пояснить свою позицию Азербайджану. Реакция Азербайджана на этот раз была более сдержанной, и Турция подписала протоколы 11 октября 2009 года. Однако внутри страны стало ясно, что турецкий парламент не будет форсировать ратификацию протоколов. Большинство выступило против такого шага без позитивных сдвигов в разрешении Нагорно-Карабахского спора.

Хотя отношения с Азербайджаном ненадолго омрачили шаги Турции в отношении Армении, в целом отношения восстановились после нератификации протоколов и в конечном итоге достигли стадии, которую можно назвать стратегическим партнёрством. Трубопроводы ВТС и ВТЕ и железная дорога Карс-Тбилиси-Баку не только стратегически связывают две страны – экономические отношения и взаимные инвестиции тоже достигли значительного уровня.

Турецко-азербайджанские отношения также охватили сферу образования и культуры. Азербайджанские студенты учатся в Турции, молодые дипломаты проходят стажировку в турецком Министерстве иностранных дел. Турция решительно поддержала возвращение латинского алфавита в Азербайджане, подготовив и отправив учебники, их ещё больше сблизило использование двумя странами «турецкого» языка. Турецкие телеканалы имеют большую аудиторию в Азербайджане. Кроме того, в Азербайджане за счёт Турции действуют 15 начальных и 11 средних школ, а также университет в Азербайджане, созданный при участии Турции. Эти культурные инициативы способствуют более тесным связям в обществах, дополняя и укрепляя политические связи.

Последствия второй войны в Нагорном Карабахе и «возвращение» Турции на Кавказ

44-дневная война за Нагорный Карабах в сентябре-ноябре 2020 года повлияла на политику Турции на Кавказе, особенно в отношении Армении и Азербайджана. Во-первых, она ознаменовала возвращение и подъём активности Турции в регионе после многих лет инерции.

Послевоенные изменения в регионе позволили Турции скорректировать свою роль там. Турция в июле 2020 года стала активным игроком и важным

2009, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/04/22/AR2009042203888.html>.

участником перемирия между Арменией и Азербайджаном, подписанного 10 ноября 2020 года. Это также сделало Турцию противовесом потенциально угрожающей позиции Российской Федерации в будущем. Хотя Россия за 30 лет разместила свои вооруженные силы, выполняющие различные функции, во всех странах Кавказа, она создала весьма деликатный статус-кво, чреватый рисками.

Пока обсуждаются различные идеи, связанные с региональным сотрудничеством, давать окончательную оценку, видимо, преждевременно. Однако можно предположить, что если какие-то проекты, направленные на открытие закрытых торговых путей и облегчение движения товаров в регионе, материализуются, Турция выиграет от них, учитывая её экономическое положение и связи за пределами региона.

Поддержка Турцией Азербайджана во время второй Карабахской войны вышла за рамки традиционной политической поддержки и в целом поддержки безопасности Азербайджана в конфликте с Арменией. Тем самым Турция заслужила большое уважение и благодарность в азербайджанском обществе, что потенциально может привести к расширению сотрудничества в международных делах и экономических проектах. Это, безусловно, дало возможность интенсифицировать и углубить существующие отношения, сотрудничество и стратегическое партнёрство. Помимо этого, нынешнее положение Турции в регионе и особенно её военное присутствие на азербайджанской территории, хотя и небольшое, смягчает некоторые страхи и раздражение в азербайджанском обществе по поводу размещения российских миротворческих сил после стольких лет, помогая успокоить ситуацию.

Война, завершившаяся возвращением Азербайджану оккупированных территорий, также устранила одно из препятствий, мешавших нормализации армяно-турецких отношений. В предыдущем раунде, когда две страны выступили за примирение после подписания Цюрихских соглашений в 2009 году, возражения Азербайджана и симпатия к ним турецкой общественности помешали турецким лидерам продолжить их реализацию. В итоге тогдашний премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что Турция не будет предпринимать шаги по нормализации отношений и открытию сухопутной границы с Арменией, пока азербайджанские территории оккупированы. Поскольку к концу войны вопрос был снят, это открыло путь к нормализации турецко-армянских отношений, и в результате обе страны продвинулись в двусторонних переговорах. В настоящее время турецкие, армянские и международные источники ожидают, что эти переговоры в конечном итоге приведут к постепенной нормализации, то есть к установлению дипломатических отношений и открытию сухопутных границ. Другие предварительные шаги уже сделаны, такие, как восстановление регулярного воздушного сообщения, разрешение возобновить торговлю через третьи страны и открытие воздушного пространства для национальных авиалиний. Если эти шаги приведут к ожидаемой нормализации отношений, это, наконец, полностью восстановит связи Турции со всеми странами Кавказа,

потенциально открывая путь к дальнейшему региональному сотрудничеству и развитию.

Хотя турецкие лидеры пытались реформатировать и продвигать одну из более ранних идей сотрудничества в области региональной безопасности в формате 3+3 (объединение трех стран Кавказа с Россией, Турцией и Ираном в организацию по безопасности) и получили поддержку России, слишком оптимистично ожидать, что эта идея воплотится в жизнь, учитывая текущую региональную и международную обстановку. Одним из главных препятствий является принципиальный отказ Грузии от этой идеи, ибо она может в конечном итоге означать союз со страной, оккупирующей её территории, то есть с Россией. Также существует недоверие Азербайджана к намерениям Ирана, нерешённый вопрос Нагорного Карабаха между Азербайджаном и Арменией, неразрешённый армяно-турецкий исторический багаж, текущая война России с Украиной и её потенциальные последствия для региона.

Но даже если идеи дальнейшей региональной экономической интеграции, политического взаимодействия и сотрудничества в области безопасности не реализовались, как было задумано, остаётся фактом, что впервые после окончания Холодной войны и обретения независимости тремя кавказскими странами у Турции есть возможность иметь тёплые отношения со всеми этими странами, дополненные особыми связями в области безопасности, политическими и экономическими отношениями с Азербайджаном, а также прочными связями в силу общей заинтересованности в существующих энергетических и транспортных маршрутах, торговле и сотрудничестве в области безопасности с Грузией. Кроме того, предлагаемые транспортные коридоры и связи, если они будут реализованы, позволят углубить связи со всеми тремя странами. Будущее покажет, сможет ли Турция наконец использовать все эти возможности в своих интересах и поспособствовать дальнейшей стабилизации региона.

Заключение

Политика Турции на Кавказе после окончания Холодной войны прошла ряд этапов, взлётов и падений. Хотя столетняя угроза безопасности Турции от России и СССР исчезла с распадом Советского Союза, вакуум, созданный этим уходом, стал источником потенциальных рисков и угроз на границах Турции. Даже если первоначальное видение и оптимистические подходы Турции к региону начала 1990-х годов оказались несколько нереалистичными, их последствия задали тон турецкой политике.

Появление независимых республик на Кавказе стало важным поворотным моментом в региональной роли и политике Турции. Она стала одним из важнейших игроков в регионе, где раньше играла незначительную роль. Хотя нынешняя напряжённость в регионе будет и далее влиять на турецкие планы в области безопасности, и ещё предстоит решить ряд проблем, прежде чем регион стабилизируется, Турция, несомненно, попытается иг-

рать свою роль в региональных событиях посредством многогранного политического сотрудничества. Добьется ли Турция успеха в новом подходе и пересмотре своей политики в отношении региона – вопрос открытый. Ответ на него будет зависеть от различных региональных и международных событий, иногда неподвластных Турции или странам региона. В условиях ограниченных возможностей, предлагая инновационные решения региональных проблем и рассматривая регион в более широком контексте, Турция может расширить географию сотрудничества стабильных стран в рамках многосторонних конвенций и двусторонних отношений. В случае успеха положительные результаты будут дополнять друг друга, так же как и негативные результаты будут иметь гораздо более широкие последствия.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 22, 2023, вышел при поддержке правительства США.

Об авторе

Мустафа Айдын – профессор международных отношений в Университете Кадир Хас (Стамбул), президент Совета международных отношений Турции и координатор Глобальной академии. Ранее он работал в Университете Анкары (1994-2005 гг.), Университете экономики и технологий (2005-2009), а также занимал должность ректора Университета Кадир Хас (2010-2018). Был приглашенным научным сотрудником/преподавателем в Мичиганском (1998 г.), Гарвардском (2002 г., стипендиат программы Фулбрайта) и Афинском (2003 г., стипендиат Онассиса) университетах, а также в Институте Ричардсона по изучению проблем мира (1999 г., стипендиат ЮНЕСКО), Институте исследований безопасности ЕС (2003 г.) и Институте гуманитарных исследований в Вене (2018 г.). В сферу его интересов входит международная политика, анализ внешней политики, вопросы безопасности в Центральной Азии, на Кавказе, в Чёрном море и на Ближнем Востоке, а также внешняя политика и политика безопасности Турции.

Электронная почта: maydin@khas.edu.tr